

— Да, — камердинер ответил, дрожа от страха. С самого начала он полагал, что эта затея его светлости обречена: самый очевидный промах — как он, слуга, мог позволить себе роскошь жечь камин в холле, да ещё и всю ночь, в отсутствие хозяина? Но, встретившись с загадочным взглядом Рафаэля и увидев палец, приложенный к его же губам в знаке молчания, он предпочёл заткнуться.

Едва Рафаэль удалился и не успел дойти до поворота на лестницу, как услышал встревоженный голосок:

— Он заметил? Заметил?

Конечно, заметил.

— Наверное... нет, — солгал камердинер, поступаясь совестью.

— Он просто не знает, что ты задумал, — мысленно добавил Рафаэль.

На следующее утро Рафаэль не вышел из замка. Попивая согревающий чёрный чай, приготовленный старым управляющим, он устроился на самом виду — в оранжерее, — поджидая на пути к тренировочному полю того, кому на один его шаг приходилось делать два или три.

Ноги у коротконового товарища и вправду были недлинными. Лишь когда солнце уже высоко поднялось, тот наконец показался в окружении свиты.

Голубые, словно промытые дождём, глаза, непослушный золотой вихор, торчащий надо лбом, — он был облачён в аристократический наряд из алого и золотого и, приближаясь, походил на живое пламя, озаряющее зимний пейзаж.

— Орл, — подперев щеку рукой, улыбнулся ему Рафаэль.

И они, как само собой разумеющееся, отправились наблюдать за тренировкой рыцарей.

Ежедневный просмотр рыцарских упражнений был самым любимым и желанным занятием в распорядке дня Августа, но сегодня он наблюдал рассеянно, ёрзая на месте. Как он ни старался скрыть своё состояние, выдав его выдавали всё: скованная спина, бегающий взгляд и несколько раз открытый, но так и не издавший ни звука рот. Это был человек настолько прямой, что его не нужно было даже пытаться разгадывать. Впрочем, как и говорил старый управляющий, в большинстве случаев Августу и не требовалось скрывать свои чувства — всегда находились желающие угодить его светлости.

Так Август смотрел на рыцарей, а Рафаэль — на Августа, пока тот наконец не нашёл неуклюжую тему для разговора, не связанную с учёбой.

Рафаэль слушал с улыбкой, не выражая ни интереса, ни скуки, но его дымчато-серые глаза светились ярче обычного.

Август, уставившись вниз, этого выражения не заметил и заговорил, следуя заготовленной в голове речи:

— Раньше, проходя мимо гардеробной, я всегда думал...

«Гардеробная» здесь на самом деле означала уборную. В этом аспекте древние культуры

Востока и Запада проявляли удивительное единодушие: обе предпочитали использовать эвфемизмы для обозначения отправления естественных надобностей. В устах средневековых аристократов уборная напрямую именовалась «гардеробом».

И да, в средневековых замках уборные действительно существовали. Знать уже тогда сознательно заботилась о здоровье и гигиене.

Это шло вразрез со сложившимся у Августа отвратительным представлением о средневековой антисанитарии. В любую эпоху и в любой стране грязь и хаос были уделом в основном бедного трудового населения — факт, который не изменился полностью даже в современности. В Средневековье таких просто было больше.

Аристократы, составлявшие от силы один-два процента населения, всегда находили способы жить лучше.

Все твердят, что в средневековом Лондоне система канализации была ужасна и от реки несло смрадом, но кто спросит, ступал ли аристократ хоть раз в жизни на ту половину города, где ютилась беднота?

Конечно, это всё равно не объясняло внезапное появление ватерклозетов.

Когда-то, движимый праздным любопытством, Август порылся в интернете и точно знал, что первые прототипы унитазов на Западе появились очень рано — уже в конце XVI века. Однако эпоха, в которую он попал, судя по уровню жизни и развитию архитектуры, соответствовала примерно XV столетию, когда ватерклозетам ещё не было места на исторической сцене.

Август даже предполагал, не был ли здесь другой путешественник во времени — не такой бестолковый, как он сам, — который изменил ход истории этого мира.

Теперь же выяснилось, что это был просто местный житель — особенный местный житель, — который, судя по некоторым перепискам с Августом, сумел найти множество способов сделать жизнь удобнее — и для себя, и для всей эпохи. Эти удобства, должно быть, проявлялись во многих сферах, но Август осознал это лишь тогда, когда ответ оказался у него перед носом.

— Ты и вправду удивительный, — искренне восхитился Август.

Выражение лица Рафаэля стало... труднопередаваемым. Если бы его нужно было описать, то вышло бы что-то вроде: «Я уже настроился на серьёзный разговор, а ты мне про это?» После такого и послеполуденный чай пить не захочется.

В итоге Рафаэлю так и не удалось догадаться, чего же добивался в последнее время Август.

Однако вскоре его нетерпеливая светлость сама выдала свои намерения во время одного из вечерних занятий: он всерьёз вознамерился делать Рафаэлю добро.

По мнению Августа, делать человеку добро означало понять, что тому нужно, чего он желает, и затем... предоставить это. Главное — никакого самодовольного «я знаю, что для тебя лучше».

Естественно, Август застрял на этапе «понять Рафаэля». Его познания о Рафаэле были отрывочными и поверхностными. Помимо осознания, что тот психопат, он даже не знал, зачем Рафаэль приехал в Бристоль. Само собой, в голове созрел до безобразия глупый план — Август решил внимательно наблюдать за Рафаэлем, чтобы выяснить его предпочтения.

Да, те самые взгляды в спину, «паранормальные» явления в замке — всё это было попыткой Августа пристально наблюдать.

Спустя несколько дней он осознал, что такие «наблюдения» со стороны выглядели бы не иначе как одержимость. Он ничего не мог разглядеть. Рафаэль мастерски скрывал свою сущность, и, если бы Август не был уверен, что месяцами слушал его рассказы о том, как бы он кроваво расправился с некоторыми людьми, он тоже счёл бы нынешнего Рафаэля совершенно обычным аристократом.

Раз план провалился, нужно было придумать другой.

Август начал тайно заботиться о быте Рафаэля, одновременно пытаясь окольными путями выведать у самого Рафаэля, чего же тот на самом деле хочет.

В плане заботы о быте Август считал себя вполне успешным. Подняться с утра ему было тяжело, зато ночами он мог бодрствовать до позднего часа. Поэтому, когда Рафаэль задерживался по делам, Август усаживался у камина в холле, укрывался пледом, потягивал горячий напиток и читал рыцарский роман, дожидаясь его возвращения.

В заботе о других Август был полным профаном — после смерти матери в прошлой жизни он всегда оставался один, и заботиться было не о ком.

Он мог судить лишь по себе, вспоминая, чего больше всего хотелось ему самому, когда он был один.

Ответ был очевиден: среди моря огней ему хотелось, чтобы его тоже кто-то ждал дома. Он даже практиковал трюк: уходя, оставлял свет в гостиной включённым, а выключал лишь вернувшись. Так, подходя к дому, он видел среди множества освещённых окон и своё, источающее тёплый, уютный свет, — будто кто-то и вправду ждал его всё это время.

Поэтому Август ждал Рафаэля почти каждую ночь, но, не желая быть обнаруженным, выставлял вперёд своего камердинера. Рафаэль, вернувшись с ночного холода, видел тёплый камин и слугу, дождавшегося его, и наверняка чувствовал радость.

Один раз было особенно опасно — чуть не раскрылись. В тот день шёл сильный снег, Рафаэль задержался надолго, и даже закалённый полуночник Август не выдержал, уснув как раз перед его возвращением в замок. Спрятаться удалось неидеально, но, возможно, из-за освещения Рафаэль ничего не заметил.

Что же касается выведывания у Рафаэля его предпочтений...

Тут Августа ждал полный провал.

<http://bllate.org/book/15929/1423833>